

Синеют смутно дальние горы, уходят вдаль бесконечные реки; осень на исходе в Цзяньнани, но трава ещё хранит былую зелень.

Шэнь Цинчжоу собирался выйти к озеру и отыскать безлюдный уголок, чтобы продолжить огранку собственного стиля. Ему нужно было примирить созданные им приёмы с внутренней техникой родной школы Сяояо. С тех пор как его жизнь раскололась надвое в тот роковой год, лишь погружение в воинское искусство приносило облегчение. Стоило тоске сжать сердце, а воспоминаниям стать невыносимыми, как он искал спасения в мече — единственной страсти, оставшейся у него с былых времён.

Он обладал исключительным талантом. Острый ум, глубокие познания и годы тренировок под началом лучших мастеров позволили ему изучить множество стилей Поднебесной. Переплавив чужой опыт в горниле собственного одиночества, обиды и тайной тоски, о которой некому было поведать, он создал нечто совершенно новое. Так родился уникальный стиль Цзе.

Однако эти приёмы, рождённые из боли и скорби, шли вразрез с самой сутью учения Сяояо, провозглашавшего высшей добродетелью отрешённость от мирского эго, бесстрастие духа и безвестность мудреца. Хотя удары Шэнь Цинчжоу обрели сокрушительную мощь, он раз за разом чувствовал едва уловимые сбои в циркуляции внутренней энергии при переходе от одного движения к другому. С этим препятствием он пока так и не сумел совладать.

И теперь, когда мысли о близком человеке вновь завязались тугим узлом, юноша побрёл куда глаза глядят, тщетно пытаясь унять душевное смятение и сосредоточиться на узорах клинка. Сам того не заметив, он покинул городские ворота. Избегая людных дорог, он свернул на северо-запад. Пройдя несколько ли, путник наконец оставил суету позади. Вокруг высились вековые сосны и кипарисы, упрямо зеленевшие вопреки осеннему увяданию. Шэнь Цинчжоу поднял голову и понял, что ноги сами привели его к хребту Десяти тысяч сосен.

Отыскав подходящую поляну, он взмыл в воздух, легко перемахнул через поваленные стволы и с тихим звоном обнажил меч.

Каждому движению своего стиля он дал имя, в котором непременно звенело слово «облако». Начиная с открывающей стойки — «Вопрос о том, куда вернутся облака» — и заканчивая финальным росчерком — «Облака, следующие за господином при переправе», — весь комплекс приёмов казался непрерывным, изменчивым вихрем. Меч двигался легко и стремительно. Здесь требовалась невероятная ловкость ног, чтобы соответствовать принципу: «быстр, словно вспугнутый заяц, неуловим, как ветер; трёхфутовый клинок сокрушает копьё в полтора десятка локтей». Без безупречной лёгкости движений эта техника теряла всякий смысл.

Юноша полностью растворился в танце стали, позабыв о времени и самом себе. Лишь когда солнце приблизилось к зениту, он закончил упражнения, повторив напоследок и классические стойки родной школы. Тут же напомнил о себе пустой желудок. В воображении Шэнь Цинчжоу живо нарисовался образ нежной, тающей во рту речной рыбы, приготовленной на пару с имбирём, луком и капелькой ароматного масла. Слюнки потекли сами собой. Он убрал оружие в ножны и поспешил обратно к городу.

Однако у самого подножия хребта его путь преградил странный прохожий. На обочине, скрестив ноги, сидел крепкий мужчина в простом крестьянском платье. Самым нелепым в его облике было оружие — пятифутовый железный шест, на концах которого красовались шипастые шестигранные наконечники. Переднее по размерам не уступало спелому арбузу, а заднее, поменьше, напоминало крупный персик.

Столь причудливое явление посреди лесной тропы не могло не привлечь внимания. Шэнь Цинчжоу, притормозив в паре шагов, принялся с любопытством разглядывать незнакомца. Стоило задержать взгляд на секунду дольше приличия, как великан резко крутанул своё грозное оружие. Тяжёлый набалдашник с глухим стуком врезался в землю, взметнув облако пыли. Мужчина поднялся во весь рост, опираясь на железное древко. Лицо у него было квадратным, брови — густыми, словно угли, а глаза — круглыми, как плошки. Из-под широкого рта торчала жёсткая, похожая на сосновые иглы борода.

— Эй, сопляк! Чего зенки вылупил на дедушку?! — зычно, словно в колокол, рявкнул крепыш.

Шэнь Цинчжоу невольно усмехнулся — давно его никто не называл мальчишкой. Мужчине на вид было от силы сорок лет, так что до почтенного старца ему было далековато. Впрочем, забавляясь в душе, юноша не терял бдительности. Пробормотав вежливое «Прошу прощения, почтенный», он отвёл взгляд и попытался боком обойти бородача, ускорив шаг.

Тот лишь ухмыльнулся. Одним ленивым движением он вскинул своё чудовищное оружие, перекрыв дорогу огромным набалдашником. Незнакомец вскинул густые брови.

— И это всё? — хмыкнул он. — Думаешь, вякнул «извини» и дело в шляпе? Нет уж, парень, так просто ты не отделаешься.

— Почтенный, — Шэнь Цинчжоу отступил на полшага, уклоняясь от отливавшего холодным синеватым блеском железа, и насмешливо прищурился. — Что значит «просто так не отделаешься»? Вы ведь не девица из весёлого квартала, чтобы требовать плату за один только взгляд. Если вам так претит чужое внимание, почему бы не повязывать на лицо платок перед выходом из дома?

— Ах ты щенок! — взревел бородач, яростно вылупив глаза. Ткнув заскорузлым пальцем в сторону пояса противника, он отчеканил: — У тебя на поясе два меча. Отдай мне один, и мы квиты!

Шэнь Цинчжоу мгновенно всё понял. Наглец пришёл за подарком Цзинь Чэнцзи. Похоже, в этом оружии действительно крылась какая-то тайна, о которой сам он пока не догадывался. Но кто подослал этого разбойника с большой дороги?

— Ещё чего! — юноша картинно прикрыл мечи рукой. — Раскатал губу, старый чёрт! Думаешь, раз обзавёлся железкой, так тебе всё можно? А ну проваливай со своим ломом, пока я не пустил его на гвозди! Из такого куска выйдет отличный лемех для плуга, глядишь, хоть на лепёшку заработаешь!

Вскипев от ярости, верзила взвыл, он так напрягся, что на лбу вздулись вены. В два прыжка он настиг обидчика и с ходу обрушил тяжёлое орудие прямо ему на голову.

Шэнь Цинчжоу резко оттолкнулся носком от земли, легко отлетев назад на несколько чжанов. В то же мгновение его клинок со звоном покинул ножны.

— Потихе, красавчик, а то лицо испортишь! — хохотнул он.

Медлить, однако, не стал. Не давая противнику восстановить равновесие для нового замаха, Шэнь Цинчжоу применил приём «Тонкие облака, творящие изящество». Лезвие его меча задвигалось с безумной скоростью, превратившись в серебряный веер, устремлённый прямо к груди врага. Это был идеальный момент для проверки собственного стиля в реальном бою — приёмы Сяояо он намеренно приберёт. Это движение основывалось на тончайшей игре кисти: сначала атака кажется мягкой и неглубокой, но стоит нащупать брешь в обороне противника, как клинок жалит со всей беспощадностью.

Нападавший, впрочем, тоже оказался не промах. Осознав, что уклониться от стремительного выпада не успевает, он резко втянул грудь, позволив острию пронестись в волоске от кожи. Прежде чем Шэнь Цинчжоу успел сменить стойку, верзила сделал выпад корпусом вперёд, пытаясь сбить меч тяжёлым набалдашником.

Шэнь Цинчжоу сразу понял, что перед ним первоклассный боец, мастерски сочетающий внешнюю силу с внутренней энергией. Вступать в прямое столкновение с такой машиной было глупо. Юноша извернулся, уводя клинок по дуге, и тут же зашёл сбоку. Раздался оглушительный скрежет металла — противник успел подставить под удар заднее, меньшее навершие. Из-под столкнувшихся орудий брызнул сноп искр.

— Срежу твои погремушки, посмотрим, как запоёшь! — Шэнь Цинчжоу резко выплеснул внутреннюю силу, разрывая захват.

Отпрянув, он внезапно прогнулся назад, словно тугой лук, и почти от самой земли совершил приём «Лежа в цветах, смотреть на облака». Клинок взмыл снизу вверх, метя точно в рукоять между набалдашниками.

Раздался сухой, резкий треск. Тяжёлый передний молот сорвался с древка и улетел в кусты. Шэнь Цинчжоу мысленно торжествовал. Решив закрепить успех и взять нападавшего живём, чтобы выбить из него имя заказчика, он скользнул вперёд, готовясь провести выпад «Жало белой змеи». Внезапно затылком он ощутил ледяной порыв ветра. Чистый инстинкт заставил его броситься в сторону — мимо его уха со свистом пронёсся тот самый улетевший молот, возвращаясь к хозяину.

Шэнь Цинчжоу не успел даже перевести дыхание, как верзила, издав утробный хохот, взмахнул руками. Движения его были молниеносными: он резко скрестил запястья, захватывая клинок соперника в стальные тиски.

Пальцы юноши обожгло острой болью, меч завибрировал так сильно, что едва не выскользнул из рук. Он попытался рвануть оружие на себя, но лезвие словно вросло в невидимую стену.

Как оказалось, внутри полого древка скрывалась прочная цепь. На самом деле это был замаскированный цепной молот. Отсечённый набалдашник на цепи лишь сыграл разбойнику на руку, позволив опутать и сковать меч Шэнь Цинчжоу.

Юноша нахмурился, но рукояти не выпустил. На лесной тропе развернулась безмолвная битва внутренних сил. Соперник был силён, однако уступал в чистоте энергии выходцу из великой школы. Прошло время, необходимое для горения палочки благовоний, и бородач заметно сдал — его лицо покрылось испариной, а дыхание стало тяжёлым и хриплым.

Заметив капли пота на лбу юноши, нападавший упрямо стиснул зубы. Он до последнего не верил, что этот хрупкий на вид юнец сможет выстоять против него в схватке на истощение.

Шэнь Цинчжоу внезапно поднял глаза. Его взгляд стал холодным. Он резко направил всю мощь своей ци через рукоять в клинок. Противник испугался, решив, что юноша задумал пойти на взаимное уничтожение, и в панике выплеснул остатки собственных сил для сокрушительного удара.

Этого Шэнь Цинчжоу и ждал. Вся его колоссальная энергия устремилась в сталь, и превосходный клинок, не выдержав чудовищного давления с двух сторон, с сухим звоном лопнул. Избежав прямого столкновения с чужой ци, он тенью отлетел назад.

Бородач не ожидал такой уловки. Подобно ящерице, отбрасывающей хвост, юноша пожертвовал оружием, чтобы разорвать смертельный захват. Сила верзилы ушла в пустоту, а обломок лезвия, запутавшийся в цепи, заставил набалдашники опасно качнуться. Не давая ему опомниться, Шэнь Цинчжоу крикнул:

— Прими подарок!

Оставшийся в его руке обломок клинка со свистом полетел прямо в лицо врагу.

Разбойник среагировал мгновенно, отбив летящую сталь уцелевшим молотом. Обломок с противным звоном отскочил в сторону, но радоваться было рано. В тот краткий миг, когда он замахнулся для защиты, Шэнь Цинчжоу бесследно исчез из его поля зрения. А в секунду следующую холодное лезвие уже плотно прижалось к его шее сзади.

Как он мог забыть, что на поясе юноши висели два меча!

Верзила шёл забрать драгоценное оружие, преподнесённое Шэнь Цинчжоу высокопоставленным чиновником, и подсознательно не воспринимал его как настоящее боевое средство. Шэнь Цинчжоу же просчитал этот шаг заранее. Он без сожаления расстался с одной

из сабель, чтобы на долю секунды ослепить соперника и нанести решающий удар.

Сталь коснулась кожи на горле, заставив противника замереть. Шэнь Цинчжоу слегка надавил, заставив того ощутить укол лёгкой боли.

— Ну что, почтенный, — с мягкой улыбкой произнёс он. — Быть может, теперь вы поведаете мне, ради чего затеяли эту глупую охоту за чужим добром?

Бородач не ответил. Он вдруг судорожно вытянул шею, широко распахнул рот и вылупил налившиеся кровью глаза. Из глубины его горла вырвался странный, булькающий хрип.

В то же мгновение из уголков его губ хлынула струя густой чёрной крови, и грузное тело мешком осело на истоптанную землю.

<http://bllate.org/book/19915/2040417>